

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

PROBLEMS OF INTERNATIONAL ECONOMY

УДК 339.9(73+510)
DOI [10.17150/1993-3541.2015.25\(4\).677-690](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(4).677-690)

Л. ЭСТАШИ
Университет г. Ницца София Антиполис,
г. Ницца, Франция

ГЕОПОЛИТИКА И ГЛОБАЛЬНЫЕ РЫНКИ КАПИТАЛА: ОТНОШЕНИЯ США И КИТАЯ С 1980 ГОДА

Аннотация. В марте 2004 г. Л. Саммерс, бывший министр финансов США, описал финансовые отношения между США и Китаем как «баланс финансового террора», ссылаясь на отношение «должник — кредитор», связывающее два государства. В самом деле, под руководством Дэна Сяопина Китай, приверженец крупных экономических реформ с конца 1970-х гг., постепенно обеспечил свое триумфальное возвращение в мировую капиталистическую сферу. Возобновление дипломатических отношений, а затем и крупного стратегического сближения, осуществленного в 1972 г. президентами Р. Никсоном и Мао Цзедун, были сделаны в ответ на общую угрозу со стороны Советского Союза. Однако распад СССР в 1990 г. полностью изменяет глобальный геополитический контекст, а исключительный экономический рост Китая за последнее время превращает вчерашнего союзника США в нового противника, обладающего господствующей мощью. С середины 2000-х гг. отмечается неофициальная финансовая и денежная война, основные принципы которой проанализированы в статье.

Ключевые слова. Геополитика; глобальные рынки капитала; валютные резервы; платежный баланс; международная валютная система; финансовый кризис; денежная политика.

Информация о статье. Дата поступления 4 февраля 2015 г.; дата принятия к печати 30 июня 2015 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2015 г.

L. ESTACHY
University of Nice Sophie Antipolis,
Nice, France

GEOPOLITICS AND GLOBAL CAPITAL MARKETS: US-CHINA RELATIONS SINCE THE 80S

Abstract. In March 2004, former Secretary of the Treasury Lawrence Summers described financial relations between the US and China as a «financial balance of terror», referring to the debtor-lender relationship into which the two countries are tied now. Whereas the resumption of diplomatic relations and the subsequent strategic rapprochement engineered by Nixon and Mao in 1972 were a response to the threat posed by the common foe that was the Soviet Union, the disintegration of the USSR in 1990 completely changed the worldwide geopolitical context. From that point onwards, China's remarkable economic growth was to gradually transform an erstwhile ally into a challenger to the US's hegemonic power. This was to add many conflictual facets to the relations between the United States and China. Since the middle of the first decade of this century, we have seen a financial and monetary war, undeclared and unofficial, involving numerous open or veiled maneuvers - of which the main ones will be covered in this paper, but always conforming to the «financial balance of terror» outlined by Lawrence Summers.

Keywords. Global capital markets; international monetary system; geopolitics.

Article info. Received February 4, 2015; accepted June 30, 2015; available online August 31, 2015.

Кто контролирует продовольствие — контролирует людей;

Кто контролирует энергию — контролирует континенты;

Кто контролирует деньги — контролирует мир.

Г. Киссингер

В октябре 2007 г. в Зальцбурге состоялся семинар, посвященный проблемам накопления валютных резервов, на котором управляющий Банком Франции К. Нойер заявил: «М. Дули, П. Гарбер и Д. Фолкерс-Ландау указали на то,

что Бреттон-Вудская система могла бы дать последовательное объяснение существующим тенденциям, которые доминируют в сфере образования дисбалансов на текущих счетах и накопления резервов, так как развивающиеся экономики Азии будут следовать стратегиям роста за счет экспорта, намеренно удерживая занижение обменных курсов, тем самым финансируя текущий американский дефицит, поскольку США являются одним из их основных рынков сбыта. При этом значительные валютные резервы могут быть получены в процессе предоставления гаран-

PROBLEMS OF INTERNATIONAL ECONOMY

тий прямых иностранных инвестиций. Эта интерпретация подчеркивает общую ответственность структуры потребления в США и темпы роста в развивающихся странах Азии» [20].

По мнению авторов, процитированных К. Нойером, если бы система, созданная в 1944 г. в Бреттон-Вудсе (США, штат Нью-Хемпшир), не исчезла в августе 1971 г., то все бы тогда было по-другому. В самом деле, «быстроразвивающиеся» послевоенные рынки Европы и Японии в начале 1970-х гг. перестали нуждаться в американском посредничестве. Кроме того, в течение последующих двух десятилетий никто так и не смог заменить Европу и Японию в роли развивающихся регионов, и только после возвращения к капитализму ряда бывших социалистических стран (Китай после проведенных под руководством Дэн Сяопина реформ, страны бывшего советского блока после падения Берлинской стены и развала СССР) появились новые развивающиеся периферии. По мнению ряда авторов, существующую в настоящее время международную денежную систему квалифицируют как «Бреттон-Вудская система II», в которой доллар США сохраняет значительные привилегии [3; 6; 15; 25]. После исчезновения фиксированных курсов в 1971 г. новая система была вынуждена установить «плавающие обменные курсы»: «национальные денежные политики привязаны к номинальной цели таким образом, чтобы валютные резервы не играли значительной роли. Существующая система объединяет страх колебания денежных политик, противоречивых по международным соображениям, и накопление валютных резервов»¹.

Таким образом, в соответствии с изложенным подходом отношения типа «центр — периферия» должны быть расположены в центре функционирования международной валютной системы и глобальных рынков капитала, где сальдо торгового дисбаланса и накопление валютных резервов играют решающую роль, поэтому в данной статье рассмотрены финансовые и денежно-кредитные отношения между США и Китаем с начала 1980-х гг.: макроэкономические и финансовые показатели, с одной стороны, международные отношения и геополитические потрясения, с другой стороны.

От реки Уссури до Шэньчжэня. В марте 1969 г. пограничный конфликт, начавшийся между СССР и Китаем в районе острова Даманский (кит. Чжэньбао — драгоценный) на р. Уссури, подвел две коммунистические страны к ядерной

войне. Советские войска, сосредоточенные на границе с Китаем, после инцидента усилили, и летом их численность достигла 42 дивизии (более 1 млн чел.). Впоследствии китайский батальон в Синьцзян понес потери и был разбит, а СССР в это время рассматривал превентивный удар против китайских ядерных объектов. Эти мероприятия в дальнейшем привели к настоящей революции в области внешней политики среди американской и китайской сторон: указанные страны стали относиться к Советскому Союзу как к основному общему врагу. В конце года напряженность конфликта спадает, и советские лидеры откладывают свои проекты из-за неопределенности позиции США в случае нападения СССР на Китай [16].

Исследование, запрошенное в конце весны 1969 г. Мао Цзэдуном у маршалов И. Чэнь (1901–1972), Е. Цзяньин (1897–1986), Не Жунчжэнь (1899–1992) и Сюй Сянцян (1901–1990), подтвердило, что СССР представлял для Китая главную угрозу. В то время для него было необходимо разыграть американскую карту — идея глубоко «нетрадиционная» в эпоху, которой на самом деле предшествовало два десятилетия, отмеченных военными конфликтами и многочисленными источниками напряженности отношений между Китаем и США. Таким образом, сделанные американскими и китайскими властями выводы о трехсторонних отношениях «США — Китай — СССР» привели к реальной дипломатической революции, возобновившей китайско-американское сотрудничество, которое вскоре подтвердилось визитом Р. Никсона² в Китай по приглашению председателя Мао Цзэдуна в феврале 1972 г. Заключение союза с США³ внесло вклад в изменение порядка международных отношений во времена холодной войны.

² Для Р. Никсона геополитические императивы, касающиеся Китая, должны были превалировать над идеологическими вопросами. В 1967 г. в статье «Азия после Вьетнама», опубликованной в журнале «Foreign Affairs», Р. Никсон, обсуждая возобновление отношений между США и Китаем, пишет: «Если мы рассмотрим долгосрочную перспективу, то не сможем позволить себе удерживать Китай от других наций» [19]. Такая позиция не ускользнула от китайских властей и Мао Цзэдуна. В конце 1968 г. Р. Никсон будет избран президентом.

³ Первоначально Китайская Народная Республика под руководством председателя Мао Цзэдуна в 1950 г. подписала договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР. Эти страны были союзниками против США во время корейской войны, однако с 1960 г. на основе доктринальных и идеологических различий Н. Хрущев отозвал всех советских техников, присутствующих в Китае, и остановил все проекты помощи. В 1962 г. поддержка СССР Индии в конфликте между Китаем и Индией подчеркивает разрыв: бывшие идеологические союзники стали де-факто стратегическими противниками.

¹ Face aux déséquilibres mondiaux: quelle régulation? // Bulletin de la Banque de France. 2011. № 184, 2e trimestre.

L. ESTACHY

После вывода американских войск из Вьетнама и падения его столицы в апреле 1975 г. Китай в противовес советским достижениям в Юго-Восточной Азии планирует создать по желанию вьетнамских руководителей Индокитайскую Федерацию, поэтому в течение нескольких лет Пекин оказывал поддержку правительству красных кхмеров, находящихся в Камбодже¹. Несмотря на эту поддержку, в декабре 1978 г. после подписания в предыдущем месяце официального договора о дружбе и сотрудничестве, включая военные пункты между Вьетнамом и СССР, вьетнамские войска вторглись в Камбоджу. Таким образом, стратегический кошмар Пекина, казалось, стал реальностью: Китаю действительно угрожает опасность на севере (наличие советских войск с 1969 г.) и юге (Вьетнам), а «уполномоченный» СССР способствует расширению советского влияния в Юго-Восточной Азии. Таким образом, долгосрочные стратегические интересы США и Китая получили новую и большую чем когда-либо концепцию общей угрозы: советский экспансионизм. Кроме того, с момента возобновления дипломатических отношений между США и Китаем было решено, что ни одна из сторон не должна стремиться к гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе — ни США, ни Китай, ни тем более СССР².

Учитывая стратегические риски Китая, Дэн Сяопин в конце 1978 г. и начале 1979 г. осуществляет серию поездок в Юго-Восточную Азию и Японию, в первую очередь для того, чтобы изменить образ революционного Китая, получить поддержку в регионе, но главным образом, чтобы предостеречь эти страны от геополитических и стратегических проектов Советского Союза и Вьетнама. Однако основной целью все же была поездка в США, чтобы получить одобрение президента Д. Картера, прежде чем начать военные действия против Вьетнама. Одобрение было получено в ходе 9-дневной поездки, которая закончилась 4 февраля 1979 г. Тонкая и смелая стратегия Дэна Сяопина была ни больше, ни меньше направлена на то, чтобы «нейтрализовать» СССР на некоторое время. Дэн хотел убедить Советов, что если Китай решит действовать против Вьетнама, то это может быть сделано только с одобрения и благословения США.

Таким образом, 17 февраля, менее чем через две недели после возвращения в Китай

Дэна Сяопина, китайские войска входят на территорию Вьетнама³, получив при этом не только «моральную» и дипломатическую поддержку президента Д. Картера, но и сотрудничая с разведывательными службами США по вопросу возможных движений советских и вьетнамских войск. Спустя три недели, заняв основные города пограничных провинций Вьетнама и Ланг Сон, китайские власти заявили, что двери Ханоя «открыты» — карательная операция достигла своих целей, теперь китайские войска могли уходить. В контексте дипломатической изоляции СССР, как это ожидалось Дэном Сяопином, не взял на себя риск возмущения, Вьетнам, со своей стороны, финансируемый СССР, был вынужден в течение следующего десятилетия постоянно содержать более 1 млн солдат на китайской границе. Камбоджа, однако, осталась под оккупацией Вьетнама до 1989 г., но долгосрочные цели Дэна Сяопина все же реализовал: Советский Союз только что пережил сокрушительный удар, изменилась история Юго-Восточной Азии⁴.

Оглядываясь назад, в настоящее время в равной степени является важным экономическая составляющая визита Дэна Сяопина в США в начале 1979 г.: союз между США и Китаем изначально представлял собой неформальное экономическое и финансовое «соглашение», которое изменило мировую экономику [5; 6; 17]. В ходе своего визита Дэн Сяопин представил основные направления экономической стратегии четырех модернизаций, направленной на будущее развитие Китая, которая обещала усовершенствовать сельское хозяйство, промышленность, науку и технологии, и конечно же, национальную оборону. Неоднократно в ходе переговоров с американскими собеседниками Дэн Сяопин настаивал на необходимости в передаче технологий. Во время своего визита он посетил заводы «Boeing» в Сиэтле и Хьюстоне, предприятия «Hughes Tool Company», специализирующиеся на разведке нефти, и «Johnson Space Center» НАСА. 29 января 1979 г. в его честь в Белом доме организовали

³ По разным оценкам, от 250 до 400 тыс. солдат было вовлечены в то, что китайские власти называли «самообороной на китайско-вьетнамской границе».

⁴ В данном случае геополитические соображения определенно имели приоритет над идеологией: Китай действительно напал на бывшего коммунистического брата страны, получателя его помощи в течение многих лет в борьбе против США. Администрация Д. Картера в США со своей стороны должна была выбрать между стратегическими потребностями, продиктованными геополитической реальностью и моральными убеждениями (с 1979 г. они помогали камбоджийскому сопротивлению «красных кхмер» через Таиланд) [16].

¹ Между 1975 и 1977 гг. в приграничных районах наблюдались многочисленные локальные столкновения между войсками красных кхмеров и вооруженными силами Вьетнама.

² См.: Joint statement following discussions with leaders of the people republic of China. Shanghai. 1972. February 27.

PROBLEMS OF INTERNATIONAL ECONOMY

государственный обед, немыслимый при правлении Мао Цзедуна — председателя антикапиталистического «красного Китая», где Дэн Сяопин сидел за столом, окруженный президентами крупных транснациональных компаний «General Motors», «PepsiCo» и «Coca-Cola». Сообщение о намерении Китая вернуться на мировую капиталистическую арену было благосклонно принято американскими компаниями.

В мае 1979 г. (через несколько месяцев) китайские бизнесмены в свою очередь пригласили группу американских бизнесменов в район без инфраструктуры недалеко от Гонконга [7]: все, что могли увидеть посетители, это был типичный пейзаж рисовых полей на юге Китая, где крестьяне обрабатывали земли с применением азиатских буйволов. Тем не менее, это место получило статус особой экономической зоны Шэньчжэнь, ныне это один из символов экономической глобализации и самый богатый муниципалитет в Китае, в настоящее время численность его населения составляет 10 млн жителей. Так китайско-американское сближение, первоначально имеющее тактический аспект холодной войны, в 1979 г. стало основным фактором в дальнейшем развитии отношений в мировой экономике.

Системные китайско-американские отношения и «тотальный капитализм». В феврале 1979 г. Дэн Сяопин организовал дипломатический саммит, а также запустил механизм развития китайской экономики до уровня экономик развитых стран. Другими словами, чтобы получить поддержку США против СССР, Дэн Сяопин приехал «продать» огромный резерв китайской рабочей силы по низкой цене транснациональным корпорациям США, в ответ последние должны были внедрить технологии в промышленность Китая. В то время инвестировать в Китай представляло собой большой риск, но постепенно между двумя сторонами устанавливается прагматичное молчаливое неформальное согласие: американские транснациональные компании обязались инвестировать в экономику Китая, несмотря на высокие политические риски, но так как существовал приоритет, ориентированный на внутренний рынок США, то им пришлось также способствовать появлению положительного сальдо торгового баланса Китая. В свою очередь, китайские власти должны будут инвестировать финансовые излишки в казначейские облигации США, а американские прямые инвестиции за рубежом в Китае будут «гарантированы» неявным способом облигациями, приобретенными Китаем. Другими словами, в случае экспроприации или национализации, осуществ-

ленными Китаем, в США китайские активы могут быть просто заморожены! Вот первоначальная «сделка», или «баланс финансового террора» от истоков [13]. Так можно наблюдать реализацию функции валютных резервов, накопленных «в счет гарантии» прямых иностранных инвестиций, упомянутую К. Нойером.

Дэн Сяопин прекрасно отдавал себе отчет в том, что первое время, учитывая значительное экономическое отставание страны, китайско-американские экономические и финансовые отношения будут развиваться медленно¹. Сначала в дополнение к прямым инвестициям, синонимичным передаче технологий, появляются отношения субподряда между малыми и средними китайскими компаниями и их подрядчиками, затем крупными американскими транснациональными корпорациями, а потом уже Европы и Японии. Таким образом, китайские компании не появились одномоментно как прямые конкуренты крупных западных фирм, это стоило им многолетнего потакания американской олигархии. Молчаливое коммерческое и финансовое соглашение в 1979 г. между США и Китаем, являющееся неотъемлемой частью геостратегического и дипломатического альянса, будет еще несколько лет превращаться в невообразимое попустительство интересов между многонациональными корпорациями (сердце американского капитализма) и коммунистической партией Китая, с первого взгляда «неестественное» как с экономической точки зрения, так и идеологической и политической. Модель развития Китая можно назвать классической, потом она будет продолжена Японией в 1960–1970-х гг., а затем и четырьмя азиатскими драконами (Тайвань, Корея, Сингапур и Гонконг) в 1980-х гг.

Основные геополитические потрясения, повлекшие за собой падение Берлинской стены в 1989 г., распад СССР и советского блока²,

¹ Известно высказывание, сказанное в ходе визита в Японию в 1978 г. по этому поводу: «Когда страшный, нет смысла претендовать на то, что красивый».

² М. Горбачев полагал, что распад СССР был приоритетом внешних экономических и финансовых причин: падение цен на нефть, организованное США и их союзниками в Саудовской Аравии в середине 1980-х гг. привело к полному исчезновению ресурсов иностранной валюты, необходимой для устойчивости и глобального стратегического развертывания СССР (финансовая поддержка Вьетнаму и Кубе, вмешательство в политическую жизнь стран Африки, ввод войск в Афганистан). Понимание того, что у советских военных невозможно выиграть, подтолкнуло администрацию Р. Рейгана к экономическому анализу, который помог выделить ахиллесову пяту в экономике СССР (слабость валютных ресурсов), чем успешно и воспользовались.

L. ESTACHY

устранили существовавшую до этого угрозу со стороны Советского Союза, поэтому соглашение между США и Китаем, длящееся в течение 20 лет, утратило свою значимость. В геополитическом плане США оказываются на время единственной «сверхдержавой», а китайско-американские отношения отныне концентрируются на экономических связях. При этом два ключевых события ускоряют процесс интеграции экономик двух стран: Китай переходит в 1994 г. к девальвации юаня по отношению к доллару на 33 % (паритет USD/CNY от 5,76 к 8,62), что влечет за собой определенные последствия — сделать производственные мощности в Китае более привлекательными с точки зрения стоимости для транснациональных компаний, чтобы улучшить условия для китайского экспорта. Второе событие — результат длительного и трудного процесса — официальное вступление Китая 11 декабря 2001 г. во Всемирную торговую организацию (ВТО). Переговоры, проводимые главным образом с американской стороны администрацией Б. Клинтона, заняли десятилетие. Китаю это было необходимо для придания статуса той страны, с которой США будут поддерживать «постоянные нормальные торговые отношения». Соглашение затем не без труда ратифицируется Конгрессом США в 2000 г. и в конечном итоге приводит к вступлению в ВТО в следующем году — крупный успех для Китая, обеспечивающий доступ без ограничений к мировым экспортным рынкам, за исключением тех, которые установлены ВТО, а также отличная возможность для западных и транснациональных корпораций США, поскольку они получили огромный источник питания без ограничений с двумя значительными преимуществами: огромный рынок труда по чрезвычайно низкой стоимости и признание юаня в качестве валюты. Отметим, что заниженная стоимость юаня была предварительным условием американской стороны до начала ведения торговых переговоров. В результате за предыдущее десятилетие прибыль транснациональных компаний резко увеличивается (в 2001 г. с 7 до 12 % ВВП к 2006 г.), приток китайской ликвидности на мировые рынки облигаций способствует снижению реальных процентных ставок более чем на 2 % в долгосрочном периоде между 1999 и 2006 гг. [12], и Китай готовится стать мастерской мира. Таким образом, общность интересов между многими транснациональными корпорациями и экономикой Китая вылилась в молчаливое согласие, беспроблемное для обеих сторон!

Китайско-американские отношения как составляющие одной системы, по нашему мнению, будут доминировать в мировой экономике в последующем десятилетии. Многими исследователями такая единая «геополитическая» конфигурация описывается как «Китамерика» — сочетание развития Китая за счет экспорта и чрезмерного потребления Америки, ставшее возможным благодаря поддержанию низких процентных ставок и инфляции. В этом системном отношении доллар играет важную роль в качестве мировой валюты в мировой системе, в сущности, как это было раскритиковано во Франции генералом де Голлем в 1965 г. В начале 2000-х гг. доллар по-прежнему обладает «чрезмерными привилегиями» — китайский профицит торгового баланса с США незамедлительно «перерабатывается» в покупку американских облигаций, и, как и в 1960-е гг., дефицит торгового баланса США по-прежнему остается полностью безболезненным [8; 11]. Таким образом, возвращение Китая в мировую капиталистическую сферу можно охарактеризовать, как это делают М. Дули, П. Гарбер и Д. Фолкерс-Ландау, через интеграцию нового периферийного государства [9; 10]. Тем не менее, речь уже не идет о Бреттон-Вудской системе, созданной в 1944 г., поскольку США больше не требуется конвертировать доллары в золото. Однако образуя у себя долг в долларах, им всегда необходимо выпускать денежные знаки в еще большем количестве, чтобы возместить весь или частичный долг.

Кроме того, параллельно с макроэкономическими соображениями, связанными с международной валютной системой, китайско-американское экономическое и неформальное финансовое соглашение нарушит благополучие мировой экономики в микроэкономическом плане, позволяя появление «тотального капитализма» [22]. О чем идет речь? В то время как рост экономик в западных странах составлял лишь от 2 до 5 % в год, во второй половине 1990-х гг. ведется поиск высоких ставок доходности, которая станет абсолютным законом для всех крупных мировых компаний — возврат к собственным фондам (с англ. — «рентабельность капитала»), т. е. скорость возвращения капитала будет превышать 15 % годовых!

Большой рынок труда по исключительно низкой стоимости, к которому теперь есть доступ в Китае в сочетании с недооцененным юанем, действительно, позволит транснациональным компаниям генерировать значительную прибыль, так как конечные рынки потребления — в основ-

ном американские (и западные) рынки с высокой покупательной способностью. Став нормой, это правило рентабельности, распространенное на целый ряд предприятий, зарегистрированных на мировой бирже, управляет экономической эволюцией мира. Следовательно, царствование акционеров стало абсолютным! Таким образом, это реальное подведение под финансовый контроль мировой экономики, которое совершается незаметно, без ограничений и формальных правил, четко определенными «спонтанными либеральными путями». Действительно, если ни одна транснациональная компания, зарегистрированная на бирже, не может выйти из этой системы, то ни один субподрядчик этих компаний, ни один работник, ни одно государство-нация, вовлеченные в конкуренцию, не смогут выйти из нее: «капиталистическая система, мировая экономика... эффективно служат обогащению акционеров и их единоличному желанию. Простой критерий, надежный, с огромными последствиями, и чье возвращение стало невозможным» [22].

Молчаливое китайско-американское экономическое и финансовое согласие поэтому принесет пользу не только американским потребителям за счет снижения цен на многие импортируемые товары и транснациональным компаниям США за счет повышения прибыли, возникшей в связи с массовым использованием китайской рабочей силы, но и финансовым инвесторам и акционерам (прежде всего, пенсионным фондам США, которые управляют около половиной биржевой стоимости акций США). На самом деле, аналогов такой системы захвата в истории не наблюдалось, хотя феномен не новый¹.

В системном отношении роль «Китамерики» перешла теперь к глобальным рынкам капитала и крупным финансовым институтам США, главным образом к англо-саксонским. Такое преобразование мирового экономического пространства, постепенно структурированного пенсионным фондом США, имело в качестве институциональной предпосылки национальную и международную финансовую либерализацию — то, чему мы стали свидетелями в 1980-е и 1990-е гг., в течение которых «видели, как во

многих странах рушили интервенционистское законодательство, которое привело к ограничению ликвидности рынка, закрытию и контролю над входом и выходом капитала» [21]. Глобальные рынки капитала были внутри этого крупного изменения в мировой экономике, которое установило «общий капитализм», прямое следствие развития китайско-американских экономических и финансовых отношений: акционеры стали королями, сумев получить уровень рентабельности значительно выше темпов экономического роста западных стран. С появлением существенных торговых дисбалансов по всему миру, дефицита США и профицита Китая, в первую очередь, глобальные рынки капитала будут «не в состоянии» утилизировать международную ликвидность, порожденную этими дисбалансами и, таким образом, окажутся в эпицентре самого худшего экономического и финансового кризиса с 1929 г.

Финансовая или денежная война! Действительно, сразу после вступления Китая в ВТО в 2001 г. положительное сальдо торгового баланса Китая (зеркальным отражением которого является дефицит США) превзойдет даже самые пессимистические ожидания участников переговоров администрации Б. Клинтона. Последние верили, или, по крайней мере, делали вид, что верят, в открытие китайского рынка. По их мнению, он неизбежно принесет пользу американским компаниям, оставит торговые балансы двух стран близкими к равновесию. Однако факты были иными, повторное накопление сальдо торгового баланса для Китая подвергнет новым испытаниям неравновесие торговых балансов и накопление валютных резервов. В марте 2004 г. бывший министр финансов США Л. Саммерс сообщает о первом сигнале тревоги, хотя в то время китайские финансовые активы, вложенные в США, составляли около 300 млрд дол. В своем заявлении он отметил: «Это, конечно, не может быть разумным для нас, как нации, зависеть от какого-то равновесия финансового террора, требующего удерживать продажи резервов, которые угрожали бы нашей стабильности... Это правда, и можно утверждать очень убедительно, что мотивы для Японии или Китая, которые сделали вклад в то, чтобы быстро избавиться от своих казначейских облигаций, не очень высоки, учитывая последствия того, что это случится в их экономиках» [29]. По мнению Л. Саммерса, финансовые инвестиционные решения, основанные на значительных суммах, взятых иностранными политическими лицами, необходимо рассматривать в абсолютно новом финансовом контексте,

¹ Ф. Бродель, вспоминая финансовую систему, установленную в Амстердаме и в Лондоне в XVII в., пишет: «По всему миру распространяется и применяется эта система, большая филиальная часть, брошенная на богатства других континентов... Европа начинает поглощать этот мир и управлять им» [4, с. 518–519]. Пенсионные фонды, глобальные рынки капитала представляют собой современную форму интернационализации финансов, которую в XVII в. связывали с развитием международной торговли [8].

L. ESTACHY

также как и в геополитическом, потому что экономика и международные финансы неотделимы.

Официальная позиция США по отношению к Китаю [18] будет иметь двойственный характер: американское казначейство, представляющее интересы финансовой отрасли своей страны (банки и крупные международные корпорации, пенсионные фонды), будет активно содействовать развитию отношений с Китаем, подчеркнув преимущества для государственных финансов благодаря массивному притоку «вторичного» китайского капитала в казначейские облигации США, а также получения огромного количества товаров по низкой цене. Для Федеральной резервной системы и Центрального банка китайско-американские системные отношения кажутся отношениями, делающими значительный вклад в «лучшую мировую валюту», поскольку это позволяет объединить инфляцию и низкие процентные ставки, а также и замедление экономических циклов¹. Соответственно, для Казначейства и Федеральной резервной системы повторяющиеся торговые дефициты, зарегистрированные США с Китаем, не являются проблемой, а, наоборот, отражают фантастические прибыли, полученные американцами от этих системных отношений.

Министерство иностранных дел, Министерство обороны и Министерство торговли со своей стороны далеки от того, чтобы разделить эту точку зрения. Начиная с 2000 г. в историческом документе, опубликованном в журнале «Foreign Affairs», советник иностранных дел Дж. Буша-младшего во время президентской кампании К. Райс определяет Китай в качестве нового потенциального конкурента США: «Китай является великой державой с нерешенными жизненными интересами, особенно в отношении Тайваня... Китай не терпит роль США в Азиатско-Тихоокеанском регионе... Он не желает поддерживать статуса-кво, но рассматривает возможность трансформировать баланс сил в Азии в свою пользу. Это простая мысль делает его стратегическим соперником, а не партнером, как это рассматривалось администрацией Б. Клинтона» [24]. По ее мнению, распад СССР, а затем и крах России в последующее десятилетие полностью

нарушили мировой геополитический контекст², таким образом, необходимо «сдерживать» возрастающую региональную мощь Китая и, следовательно, США должны «углубить сотрудничество с Японией и Южной Кореей и поддерживать приверженность к надежному военному присутствию в регионе» [Там же]. Министерство обороны и вооруженных сил со своей стороны очень активно поддерживают политику «сдерживания», так как рост военной мощи Китая на протяжении последних 15 лет, сопровождающийся исключительным экономическим ростом, представляет собой наиболее тревожное явление, а администрация Б. Обамы открыто говорит о намерении провести «стратегическую передислокацию», квалифицированную как «поворот на Азию», направленную, конечно же, на сдерживание китайских амбиций в Азии.

Амбивалентность политики США по отношению к Китаю не могла быть более экстремальной. Чтобы понять этот удивительный парадокс, следует напомнить, что развитие китайско-американских экономических отношений отражается не только в накоплении повторяющихся торговых дефицитов, но и в массовой деиндустриализации страны. При этом американские транснациональные компании делают выбор в пользу Китая в качестве производственной базы в финансовом контексте «тотального капитализма», рассмотренного ранее: «С ростом акционерного капитализма интересы правящей олигархии США не изменились и стали очень специфичными: речь не идет о том, чтобы максимизировать активность и занятость в США, речь идет о том, чтобы получить максимальную долю прибыли на планете» [14]. Так, К. Престовиц, бывший высокопоставленный чиновник Торгового департамента США, резюмируя международные торговые отношения, пишет: «Мир, в котором мы живем, делится поровну между странами, поддерживающими свободную торговлю, и между странами, проводящими политику меркантилизма. Последние четко определили свои национальные экономи-

¹ Б. Бернанк называет такую конъюнктуру «большой модернизацией» и не колеблясь приписывает заслуги денежной политике, проводимой Федеральной резервной системой: «Я заявил сегодня, что улучшенная денежно-кредитная политика сделала важный вклад не только в уменьшенной волатильности инфляции (которая не особенно спорная), но уменьшила волатильность производства» [1; 2].

² 1990-е гг., действительно, были катастрофой для России: жесткий переход от централизованной плановой экономики к рыночной, экономическая шоковая терапия при поддержке США и по рекомендациям Международного валютного фонда приводят к падению ВВП России на 54 % с 1990 по 1999 г. и промышленного производства почти на 60 %. Как подчеркивает Дж. Стиглиц: «разруха была больше, чем та, которая наблюдалась в России со времен Второй мировой войны. Промышленное производство сократилось в то время на 24 % с 1940 по 1946 гг.» [28]. По его мнению, Россию из игры вывели американские финансовые советники и Международный валютный фонд.

ческие интересы, они проводят экономические стратегии с упором на рост за счет экспорта и опираясь на адекватные промышленные политики» [23]. Ссылка на термин «меркантилизм», очевидно, не является нейтральной, но имеет определенный смысл: экономическая история нас учит, что на самом деле меркантилизм является синонимом не только экономической войны, это нечто большее, как минимум глобальная экономическая, финансовая, дипломатическая и военная стратегия, направленная на изменение гегемонистской мощи!

С XV в. меркантилистские стратегии были оружием экономических периферий против доминирующего капиталистического центра. Они были направлены на то, чтобы установить промышленные политики чаще протекционистского характера, направленные в основном на то, чтобы генерировать повторяющиеся сальдо торгового баланса, или, таким образом, получить накопления (валютные резервы сегодня), в дальнейшем направляемые на укрепление военной мощи — само по себе условие, необходимое для окончательного разворота господствующей центральной власти... Доминирующий капиталистический центр со своей стороны всегда был заинтересован в продвижении свободной торговли и открытии периферийных рынков, гарантируя коммерческое, финансовое и, в конечном итоге, геополитическое господство¹. Многие из Министерства торговли США считают, что Китай в настоящее время проводит стратегию меркантилизма, как минимум, на коммерческом уровне, поэтому может показаться удивительным на первый взгляд и в свете истории, что их анализ не имел больше влияния на политику США в отношении Китая. Здесь необходимо вспомнить, что Министерство торговли США является бедным родственником американской администрации с очень ограниченным влиянием, и с другой стороны, в США нет Министерства промышленности. Таким образом, данный анализ имеет очень мало шансов, чтобы взять верх над теми, которые были подготовлены финансовым сообществом

в целом, Казначейством и Центральным банком в частности, которые способствуют, как мы уже отметили, развитию отношений с Китаем, по крайней мере до тех пор, пока доллар США будет оставаться мировой резервной валютой.

В этом контексте управление китайскими валютными резервами под контролем Китайской коммунистической партии является центральным маневром, чьи геостратегические размеры не могут быть скрыты, как это заметил Л. Саммерс в 2004 г. С середины 2000 г. наблюдается настоящая финансовая и денежная война, глухая и неофициальная, предмет множественных прямых и косвенных маневров, среди которых можно выделить следующие события:

1. Нарастание торговых неравновесий и кризис (2002–2006). Китайско-американское молчаливое согласие заключалось в том, что Китай инвестирует торговый профицит, полученный в результате деятельности транснациональных компаний США в Китае (прямые инвестиции и субподряд) в казначейские облигации США. После событий 11 сентября 2001 г. не удалось избежать того, что китайские политические власти финансировали напрямую через рынки капитала усиление американской войны в Афганистане, а затем и в Ираке с 2003 г. Диверсификация китайских инвестиций со значительными последствиями, таким образом, коснется Центрального банка Китая и Национальной брокерской компании-оператора, но тут возникает проблема контрагентов, размера и ликвидности рынка. С учетом значительного увеличения китайского торгового баланса при входе Китая в ВТО только рынок «Agencies», гарантированный правительством США, оказался способным позволить диверсификацию инвестиций, желаемую китайскими властями: так, начиная с 2002 г. китайские валютные резервы будут вложены почти поровну в казначейские облигации и облигации, выпущенные «Agencies» (рис. 1), и только двум крупнейшим учреждениям «Fannie Mae» и «Freddie Mac» дали полномочия финансировать в недвижимость в США. Соответственно, что это более 500 млрд дол., которые в течение 6 лет (2002–2007) Китай инвестирует в финансирование американского рынка недвижимости! Этот значительный приток ликвидности в сочетании со снижением длинных ставок, порожденных массовыми покупками облигаций, будет питать и в значительной степени способствовать созданию мыльных пузырей на рынке недвижимости, с которые США еще никогда ранее не сталкивались.

¹ Ф. Бродель, И. Валлерштайн или Ф. Фурке предлагают свое видение, в котором борьба за господство между крупными державами представляет собой основной фактор структурирования глобального экономического пространства. Конечная цель — управление ориентациями мировой экономики, и следовательно, поглощение максимально возможной доли роста и мировой прибыли: доминирующие капиталистические центры принимают политику свободной торговли, направленной на поддержание их мощи, а конкуренты на периферии — стратегии меркантилизма.

L. ESTACHY

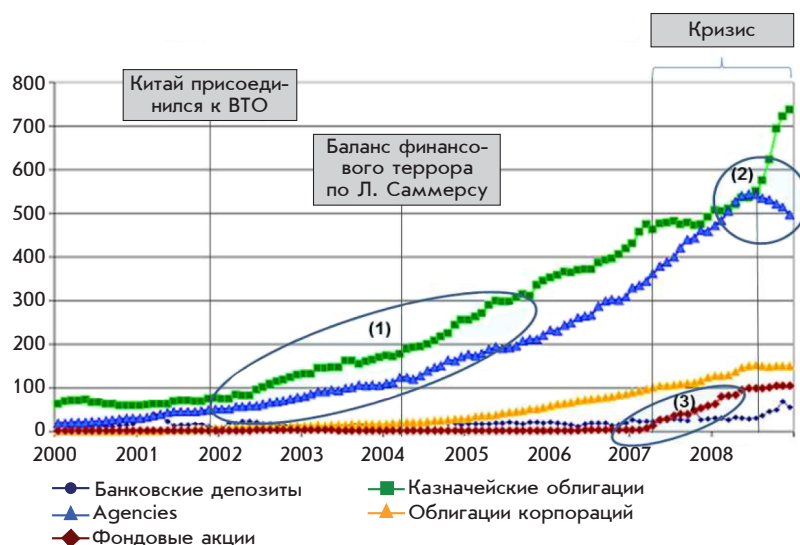

Рис. 1. Китайские финансовые активы в США, млрд дол.
(Источник: Brad Setser)

Речь не идет о желании свести к минимуму ответственность органов власти и крупнейших американских институтов в период кризиса, который начался в 2007 г., а о желании не путать основную причину [30], огромный и растущий торговый дисбаланс, полученный в результате отношений между Китаем и США, и его эффектов, а также неспособность мировых рынков капитала переработать все долги, созданные в ходе финансирования повторяющегося торгового дефицита американского доллара¹. В данном случае нет оснований полагать, что китайские власти могли бы предположить такой сценарий, который привел к кризису 2002–2003 гг., однако последующие решения, принятые в 2008 г., кажутся не имеющими особой двусмысленности.

2. Разрыв китайско-американских соглашений (2007–2008). При заключении соглашения

во время визита Дэна Сяопина в 1979 г., создавая в дальнейшем суверенный фонд благосостояния, Торгово-промышленный банк, Китайскую инвестиционную корпорацию, китайские лидеры не скрывали свою готовность покупать иностранные компании и к 2015 г. контролировали 50 из 500 крупнейших мировых компаний. Миротворческая маска китайского «мирного подъема» спала, косвенный доступ к американским фондовым рынкам представлял теперь экономический *casus belli* для американской олигархии, где сходятся интересы государства и крупных транснациональных компаний. Первые инвестиции, связанные с новой стратегией распределения активов, показывают неприкрытое желание правительства Китая осуществить возврат неформальных правил игры, установленных ранее (заниженная стоимость национальной валюты, экспорт и быстрый рост экономики), но поменять правила со стороны США в форме признания долгов в «бумажных» облигациях.

В 2008 г. ряд необходимых решений, принятых в разгар кризиса недвижимости и его влияния на банковский сектор, будут тщательно проанализированы в США, и Национальная брокерская компания приступит к масштабной реструктуризации портфеля облигаций — остановится на первой покупке облигаций «Agencies» в начале 2008 г. и осуществит массовые продажи во второй половине года.

Столкнувшись с системными рисками, превращенными американской финансовой системой,

¹ Другими словами, согласно подходу «центр — периферия», американский центр вынужден был найти новых заемщиков в обмен на сбережения китайской периферии. Последние заемщики, привлеченные в годы до кризиса, отличались низкой кредитоспособностью, поэтому так называемые «низкокачественные субстандартные» кредиты отправили на поток. Обращение долговых обязательств в ценные бумаги могло бы стать безошибочным решением, которое помогло бы избежать кризиса, однако потребовался бы перевод рисков, осуществленный тысячами инвесторов, как это предполагалось первоначально. Фатальной ошибкой было то, что банкиры сами коллективно выкупили секьюритизированные продукты, которые они создали, последние становятся токсичными активами с уровнем дефолта для заемщиков с рисками: валютный, банковский и биржевой кризисы становятся неизбежными.

правительство США проводит де-факто национализацию компаний «Fannie Mae» и «Freddie Mac» в сентябре 2008 г. Продажи облигаций «Agencies» в дальнейшем будут использоваться для покупки казначейских векселей, но этот сдвиг будет сопровождаться значительным сокращением длительности казначейского портфеля, другими словами, облигации с длинным сроком погашения продаются в обмен на другие, с более коротким сроком. Учитывая задействованные в финансовой игре суммы, указанные корректировки внесли свой вклад в начале 2009 г. в рост длинных ставок, особенно вредных для экономики США, усугубляя тем самым кризис. Одновременно с этим Федеральная резервная система стремится получить противоположный эффект от покупки ценных бумаг. В середине июля 2008 г. Национальная брокерская компания перестала признавать заниженный юань, задействованный с 2005 г., отдавая предпочтение китайскому экспорту в контексте входа в состояние рецессии мировой экономики. Молчаливое китайско-американское беспроектное соглашение переросло в финансовую и валютную войну¹, американский ответ не заставит себя долго ждать.

3. Американский стратегический ответ и его последствия (2009 г. — по настоящее время). С 2009 г. Федеральная резервная система участвует в денежно-кредитной политике, так называемой политике «количественного смягчения», позволяющей прямое инвестирование американского бюджетного дефицита Центральным банком, заключающейся в том, чтобы приобрести на первичном рынке векселя Казначейства, выпущенные правительством. В частности, 18 марта 2009 г. от Федеральной резервной системы поступило официальное сообщение о покупке 300 млрд американских казначейских облигаций, которые необходимо было еще выпустить. Это заявление представляло собой большой и односторонний разрыв со стороны США правил функционирования,

одержавших верх в международной валютной «системе» в последние десятилетия, с центральной ролью доллара, резервной валютой в мире. Этот разрыв, без сомнения, связан с важностью решения администрации Р. Никсона в августе 1971 г., которая прекратила конвертируемость доллара в золото. Шок мог быть значимым для китайских властей, а решение по существу означало не больше и не меньше конец любой американской финансовой зависимости по отношению к внешним кредиторам и в первую очередь по отношению к Китаю. В связи с этим последний был «замещен» денежной эмиссией Федеральной резервной системы, по определению потенциально неограниченной... Китайские лидеры не упустили возможность выразить неподдельную «озабоченность» в отношении установления такой валютной политики². Данные действия предотвратят на внутреннем рынке в сочетании с экспансионистской налогово-бюджетной политикой экономическую депрессию 1930-х гг. В дальнейшем у глобальных рынков капитала появится приоритет, вызванный давлением со стороны экспансионистской политики Федеральной резервной системы³, что позволило с 2008 г. не только снизить всю кривую доходности и тем самым уменьшить процентные расходы вновь выданного государственного долга, но и способствовать значительному скачку назад фондовых рынков: индекс «Dow Jones», упав в марте 2009 г. до минимальной отметки в 6 547 пунктов, после исторического максимума 14 164, достигнутого в конце 2007 г., в 2014 г. находится на отметке выше 17 000 пунктов. Наконец, доллар, несмотря на европейский кризис, значительно ослаб по отношению к валютам основных торговых партнеров США.

Последствия политики Федеральной резервной системы (рис. 2) могут стать предметом геостратегического анализа, и не только финансового, но и экономического. Экспан-

¹ В данном случае кажется сложным полагать, что управление валютными резервами Китая может быть снижено до стандартных концепций управления активами, применяя как основной тип соотношение «риск / доходность» (ср.: ассигнование и диверсификация активов, риск контрагента и продолжительность — эти понятия недействительны, учитывая то, что в 2014 г. задействовано более чем 4 000 млрд дол. США валютных резервов без учета суверенных фондов и резервов Гонконга). Таким образом, геополитический масштаб принятых решений («равновесие финансового террора» по Л. Саммерсу) кажется более чем когда-либо жизненно необходимым.

² На пресс-конференции, завершающей законодательную сессию 2009 г., 13 марта Вэнь Цзябао, второе по значимости лицо в китайском правительстве, заявил: «Мы хотим, чтобы Соединенные Штаты выполняли свои обязательства, оставались кредитоспособной нацией и гарантировали безопасность китайским финансовым активам», а 23 марта президент Центрального банка Китая Чжоу Сяочуань публикует «рабочий документ», в котором указывает на срочную необходимость реформы международной валютной системы, т. е. реформы, которая положит конец «чрезмерной привилегии» доллара США [31].

³ Подобная денежная политика рассматривалась в случае крупнейшего кризиса [1].

L. ESTACHY

сионистская политика Федеральной резервной системы действительно в настоящее время подвергает китайские активы за рубежом основным рискам, связанным с валютными рынками, облигационным рынком и акциями. Экспозиция Китая в снижении доллара США является значительной, поскольку более половины валютных резервов по-прежнему номинированы в долларах США. Оказалось, что китайские инвестиции за рубежом в настоящее время имеют почти нулевую доходность, соответствующую снижению кривой доходности с 2008 г., причем не только ценные бумаги в долларах, но также в евро, британском фунте и японской иене. Так, китайские власти не имеют иного выбора, кроме как диверсифицировать свои активы на

фондовых рынках. Однако нельзя исключать возможность появления новых финансовых пузырей на рынке акций и облигаций, а также последствий сознательной рискованной деятельности взятые Федеральной резервной системой в этой «большой игре» баланса финансового террора.

Реализация политики «количественного смягчения» со стороны Федеральной резервной системы показала еще раз статус доллара США, резервной валюты мира и американской гегемонии. Несмотря на предложения президента Центрального банка Китая Чжоу Сяочуань 23 марта 2009 г. настаивающего на срочной необходимости прекращения «непомерных привилегий» доллара США, ни одна

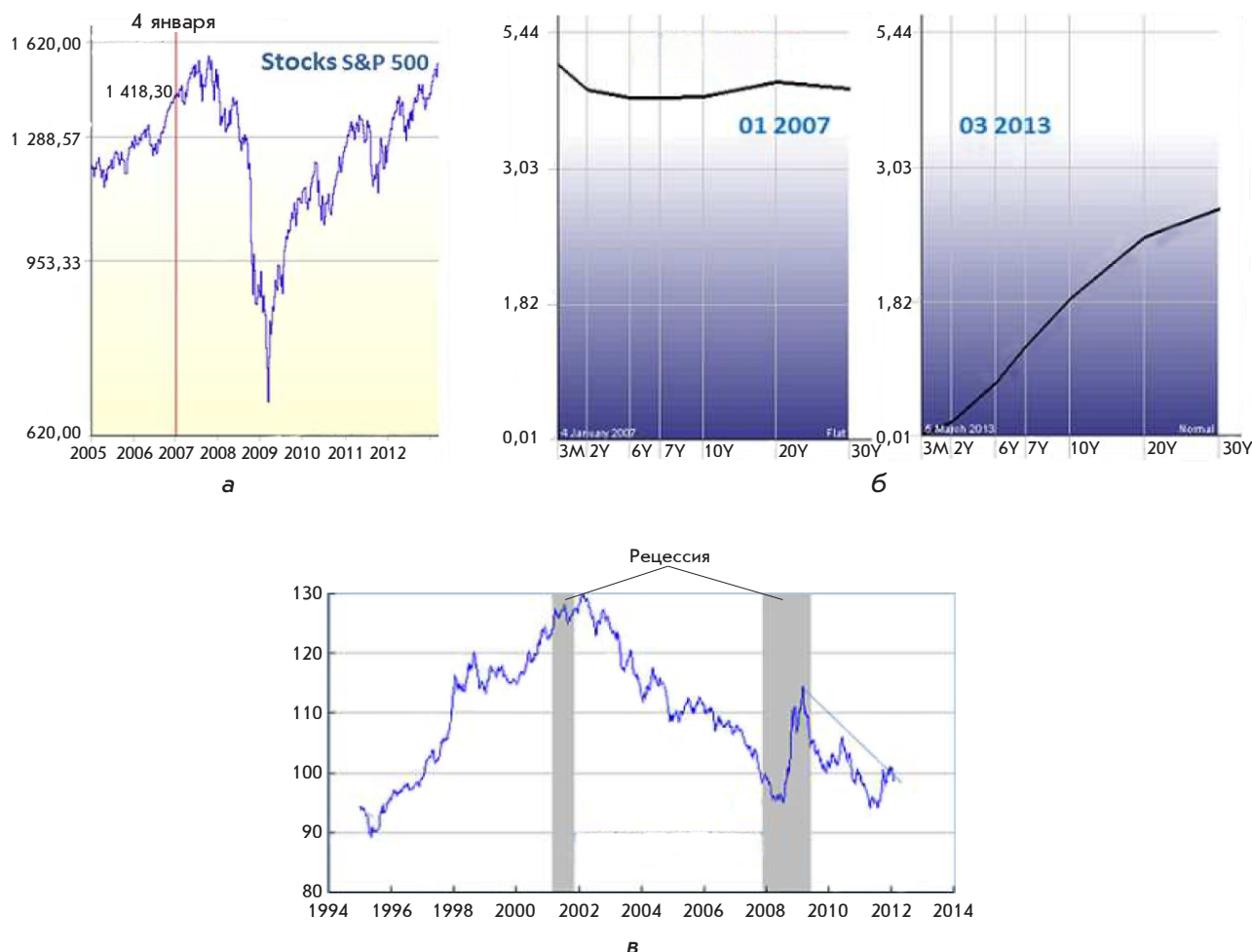

Рис. 2. Финансовые показатели Федеральной резервной системы:
а — динамика курса акций Standard and Poor's 500 в 2005–2012 гг.;
б — Кривая доходности; в — взвешенный по торговле индекс валютного курса доллара США (TWEXB) в 1994–2014 гг. (январь 1997 — 100)
(Составлено по данным Федеральной резервной системы)

реформа международной валютной системы не увидела свет. Верно, что рассмотрение ворот к проекту, который представил Д. Кейнс в Бреттон-Вудсе в 1944 г., могло бы показаться удивительным Чжоу Сяочуань, поскольку Д. Кейнс на самом деле хотел, чтобы основная нагрузка в случае торговых дисбалансов была возложена на страны с профицитом торгового баланса [26; 27]. Так, на первом официальном саммите БРИКС в г. Екатеринбурге в июне 2009 г. Президент России Д. Медведев не получил поддержки как со стороны Китая по предложению о создании наднациональной резервной валюты и снижении роли доллара США, так и со стороны французского председательства в G20 в 2011 г. При этом Китай проводит политику интернационализации юаня, приступая к значительному накоплению золота (импорт, внутреннее производство, покупка шахт за рубежом), которое кажется несвязанным с внутренним потреблением.

Перечисленные события, таким образом, не оставляют сомнений: увеличение золотовалютных резервов Центрального банка действительно могло бы позволить в будущем обеспечить замену доллара как центральной валюты, но после того, как юань был объявлен конвертируемым на золото. За неимением времени изменить ход стратегии снижением курса золота в апреле 2013 г. (после рекомендаций о продаже со стороны Г. Саша) будет в любом

случае тяжелым ударом¹. В этой глухой и неофициальной финансовой войне фантастическое внутреннее развитие кредитной системы в Китае меняет расклад: имея чрезмерную зависимость экономики от экспорта, все банковские активы в Китае увеличились на 15,4 трлн дол. за 5 лет. Таким образом, 1 дол. дополнительного кредита заработал больше, чем 17 центов дополнительного ВВП против 83 центов в 2007 г.²

Итак, мыльный пузырь на рынке недвижимости похоже уже сформировался в большей части крупных китайских городов, долг предприятий в процентах от ВВП является одним из самых высоких в мире (выше 150 %), и, наконец, развитие «теневой» банковской системы грозит взрывом неплатежей. Возникают многочисленные вопросы по поводу устойчивости такого развития... Кажется, что гонка началась: китайская экономика и финансы должны избегать входа в зону турбулентности для того, чтобы юань смог стать завтра надежной альтернативой доллару США, что является необходимым условием для противодействия гегемонии США в пользу Китая.

Перевод с французского
О. Н. Баклашкиной

¹ Китайская доктрина могла бы продолжить свое существование как концепция «Taoguang Yanghui» (спрячь свои карты и жди своего часа), поскольку официально инвестиционные цели валютных резервов или Торгово-промышленного банка являются безопасными, ликвидными и доходными.

² Bloomberg, ZeroHedge.

Список использованной литературы

1. Bernanke B. Deflation: Making Sure «It» Doesn't Happen Here / B. Bernanke // Federal Reserve System. — 2002. — 21 November.
2. Bernanke B. The Global Savings Glut and the U.S. Current Account Deficit. Sandridge Lecture / B. Bernanke. — Richmond : Virginia Association of Economics, 2005.
3. Betbeze J. P. Les dix Commandements de la Finance / Jean-Paul Betbeze. — Paris : Odile Jacob, 2003. — 320 p.
4. Braudel F. Civilisation Matérielle Economie et Capitalisme / F. Braudel. — Paris : Armand Colin, 1979. — Tome 3 : Le temps du monde.
5. Braudel F. La dynamique du capitalisme. — Paris : Champs Flammarion, 1985. — 121 p.
6. Brender A. La crise de la finance globalisée / A. Brender, F. Pisani. — Paris : Editions la Découverte, 2009. — 128 p.
7. Caryl C. Strange Rebels: 1979 and the Birth of the 21st Century / C. Caryl. — New York : Basic Civitas Books, 2013.
8. De Gaulle C. Discours et Messages / C. de Gaulle. — Paris : Plon, 1970. — Vol. 3 : Avec le renouveau, Mai 1958–Juillet 1962. — 317 p.
9. Dooley M. P. An essay on the revived Bretton Woods System / M. P. Dooley, D. Folkerts-Landau, P. Garber. — Washington : NBER, 2003. — 11 p. — (NBER working paper 9971).
10. Dooley M. P. The revived Bretton Woods: the effects of periphery Intervention and Reserve Management on Interest Rates and Exchange Rates in Center Countries / M. P. Dooley, D. Folkerts-Landau, P. Garber. — NBER, 2004. — (NBER working paper 10332).
11. Eichengreen B. Exorbitant privilege; the Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System / B. Eichengreen. — New York : Oxford University Press, 2012. — 209 p.
12. Fergusson N. Not Two countries but one / N. Fergusson. — 2007. — URL : <http://www.telegraph.co.uk/comment/personal-view/3638174/Not-two-countries-but-one-Chimerica.html/>.
13. Greenspan A. Estimate of Home Mortgage, Originations, Repayments and Debt on One-to-four Family Residences / A. Greenspan, J. Kennedy. — Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs, Federal Reserve Board, 2005. — 81 p. — (FED working Paper n°2005-41).

L. ESTACHY

14. Guichard J. P. La visée hégémonique de la Chine / J. P. Guichard, A. Brunet // *L'impérialisme économique*. — Paris : Editions L'Harmattan, 2011. — 207 p.
15. Kindleberger C. P. Manias, Panics and Crashes. A History of Financial Crisis / C. P. Kindleberger, R. Z. Aliber. — Fifth Edition. — John Wiley and Sons, 2005. — 304 p.
16. Kissinger H. On China / H. Kissinger. — New York : Penguin Press, 2011. — 586 p.
17. Labonte M. China's Holdings of U.S. Securities: Implications for the U.S. Economy / M. Labonte, W. M. Morrison. — Washington, DC : Congressional Research Service, 2013.
18. Luttwak E. The rise of China vs. the Logic of Strategy / E. Luttwak. — Belknap Press : Harvard University Press, 2012. — 320 p.
19. Nixon R. M. Asia after Vietnam / Richard M. Nixon // *Foreign Affairs*. — 1967. — October. — URL : <http://www.foreignaffairs.com/articles/23927/richard-m-nixon/asia-after-viet-nam>.
20. Noyer C. Les implications systémiques de l'accumulation des réserves de change / C. Noyer. — URL : http://www.banque-france.fr/banque_de_france/fr/institut/discours/discours_2007.htm.
21. Orléan A. Le Pouvoir de la finance / André Orléan. — Paris : Odile Jacob, 1999. — 255 p.
22. Peyrelevade J. Le capitalisme total / J. Peyrelevade. — Paris : Seuil, 2005. — 37 p.
23. Prestowitz C. The betrayal of American prosperity: Free Market Delusions, America's Decline, and How We Must Compete in the Post-Dollar Era / C. Prestowitz. — New York : Free Press, Simon & Schuster, 2010. — 324 p.
24. Rice C. Campaign 2000: Promoting the National Interest / C. Rice // *Foreign Affairs*. — 2000. — Vol. 79 (1). — P. 45–62.
25. Setser B. China has more to worry about than its Treasury holdings / B. Setser. — 2009. — URL : <http://blogs.cfr.org/setser/2009/03/14>.
26. Skidelsky R. Keynes 1883–1946. Economist, Philosopher, Statesman / R. Skidelsky. — London : Penguin Books, 2003. — 529 p.
27. Steil B. The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order / Benn Steil. — Princeton : Princeton University Press, 2013. — 427 p.
28. Stiglitz J. E. Globalization and its Discontents / Joseph E. Stiglitz. — W.W. Norton, 2002. — 304 p.
29. Summers L. H. The United States and the Global Adjustment Process : Speech at the Third Annual Stavros S. Niarchos Lecture Institute for International Economics. Washington, DC, March 23, 2004 / L. H. Summers. — Washington, 2004.
30. Wolf M. The Deep Roots of the Financial Crisis / M. Wolf // *Financial Times*. — 2008. — October 21.
31. Zhou X. Reform the International Monetary System (Speech dated 23 March 2009) / Xiaochuan Zhou. — Beijing : People's Bank of China, 2009.

References

1. Bernanke B. Deflation: Making Sure «It» Doesn't Happen Here. *Federal Reserve System*, 2002, 21 November.
2. Bernanke B. *The Global Savings Glut and the U.S. Current Account Deficit. Sandridge Lecture*. Richmond, Virginia Association of Economics Publ., 2005.
3. Betbeze J. P. *Les dix Commandements de la Finance*. Paris, Odile Jacob Publ., 2003. 320 p. (In French).
4. Braudel F. *Civilisation Matérielle Economie et Capitalisme*. Paris, Armand Colin Publ., 1979. Tome 3. (In French).
5. Braudel F. *La dynamique du capitalisme*. Paris, Champs Flammarion Publ., 1985. 121 p. (In French).
6. Brender A., Pisani F. *La crise de la finance globalisée*. Paris, Editions la Découverte Publ., 2009. 128 p. (In French).
7. Caryl C. *Strange Rebels: 1979 and the Birth of the 21st Century*. New York, Basic Civitas Books Publ., 2013.
8. De Gaulle C. *Discours et Messages*. Paris, Plon Publ., 1970. Vol. 3. 317 p. (In French).
9. Dooley M. P., Folkerts-Landau D., Garber P. *An Essay On The Revived Bretton Woods System*. NBER Working Paper No. 9971. Washington, NBER Publ., 2003. 11 p.
10. Dooley M. P., Folkerts-Landau D., Garber P. *The revived Bretton Woods: the effects of periphery Intervention and Reserve Management on Interest Rates and Exchange Rates in Center Countries*. NBER Publ., 2004.
11. Eichengreen B. *Exorbitant privilege; the Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System*. New York, Oxford University Press Publ., 2012. 209 p.
12. Ferguson N. *Not Two countries but one*. 2007. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/comment/personal-view/3638174/Not-two-countries-but-one-Chimerica.html/>.
13. Greenspan A., Kennedy J. *Estimate of Home Mortgage, Originations, Repayments and Debt on One-to-four Family Residences*. FED working Paper n°2005-41. Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs, Federal Reserve Board Publ., 2005. 81 p.
14. Guichard J. P., Brunet A. La visée hégémonique de la Chine. *L'impérialisme économique*. Paris, Editions L'Harmattan Publ., 2011. 207 p. (In French).
15. Kindleberger C. P., Aliber R. Z. *Manias, Panics and Crashes. A History of Financial Crisis*. 5th ed. John Wiley and Sons Publ., 2005. 304 p.
16. Kissinger H. *On China*. New York, Penguin Press Publ., 2011. 586 p.
17. Labonte M., Morrison W. M. *China's Holdings of U.S. Securities: Implications for the U.S. Economy*. Washington, DC, Congressional Research Service Publ., 2013.
18. Luttwak E. *The rise of China vs. the Logic of Strategy*. Belknap Press, Harvard University Press Publ., 2012. 320 p.

PROBLEMS OF INTERNATIONAL ECONOMY

19. Nixon R. M. Asia after Vietnam. *Foreign Affairs*, 1967, October. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/23927/richard-m-nixon/asia-after-viet-nam>.
20. Noyer C. Les implications systémiques de l'accumulation des réserves de change. Available at: http://www.banque-france.fr/banque_de_france/fr/institut/discours/discours_2007.htm.
21. Orléan André. *Le Pouvoir de la finance*. Paris, Odile Jacob Publ., 1999. 255 p. (In French).
22. Peyrelevade J. *Le capitalisme total*. Paris, Seuil Publ., 2005. 37 p. (In French).
23. Prestowitz C. *The betrayal of American prosperity: Free Market Delusions, America's Decline, and How We Must Compete in the Post-Dollar Era*. New York, Free Press, Simon & Schuster Publ., 2010. 324 p.
24. Rice C. Campaign 2000: Promoting the National Interest. *Foreign Affairs*, 2000, Vol. 79 (1), pp. 45–62.
25. Setser B. *China has more to worry about than its Treasury holdings*. 2009. Available at: <http://blogs.cfr.org/setser/2009/03/14>.
26. Skidelsky R. *Keynes 1883–1946. Economist, Philosopher, Statesman*. London, Penguin Books Publ., 2003. 529 p.
27. Steil B. *The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order*. Princeton University Press Publ., 2013. 427 p.
28. Stiglitz J. E. *Globalization and its Discontents*. W.W. Norton Publ., 2002. 304 p.
29. Summers L. H. *The United States and the Global Adjustment Process: Speech at the Third Annual Stavros S. Niarchos Lecture Institute for International Economics*. Washington, DC, March 23, 2004. Washington, 2004.
30. Wolf M. The Deep Roots of the Financial Crisis. *Financial Times*, 2008, October 21.
31. Zhou X. *Reform the International Monetary System (Speech dated 23 March 2009)*. Beijing, People's Bank of China Publ., 2009.

Информация об авторе

Эташи Лоран — доктор экономических наук, доцент, Университет г. Ницца София Антиполис, 06357, г. Ницца, пр. Дьявл Блэ, 24, e-mail: Laurent.estachy@kedgebs.com.

Author

Laurent Estachy — PhD in Economics, Associate Professor, University of Nice Sophie Antipolis, KEDGE Business School Marseille, Shanghai, Campus de St Jean d'Angely 24, av. des Diables Bleus 06 357 Nice Cedex 04, France, e-mail: Laurent.estachy@kedgebs.com.

Библиографическое описание статьи

Эташи Л. Геополитика и глобальные рынки капитала: отношения США и Китая с 1980 года / Л. Эташи ; пер. с фр. О. Н. Баклашкиной // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — Т. 25, № 4. — С. 677–690. — DOI : 10.17150/1993-3541.2015.25(4).677-690.

Reference to article

Estachy L. Geopolitics and global capital markets: US — China relations since the 80s. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2015, vol. 25, no. 4, pp. 677–690. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(4).677-690. (In Russian).